

Перспективы социальной политики. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: КОРИДОРЫ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Автор: Л. И. ЯКОБСОН

О реалистическом проектировании

События вокруг монетизации льгот сделали очевидными, с одной стороны, неотложность общественного запроса на сильную социальную политику, с другой - отсутствие тривиального ответа на этот запрос. Запрос на социально ориентированные реформы распространен гораздо шире, чем консервативные или реставраторские настроения. Что же касается нетривиальности, то монетизация готовилась и администрировалась, пожалуй, тщательнее, чем большинство мероприятий правительства за последние годы. Констатировать это - не значит выдавать индульгенцию. Речь идет о том, чтобы, не уклоняясь от серьезного анализа ссылками на "дураков", внимательно присмотреться к "дорогам", по которым предстоит идти к более справедливой и эффективной системе перераспределения доходов, а также производства и распределения социальных благ. Имеются в виду институты, формирующие и реализующие социальную политику. Их анализ необходим для оценки тех коридоров возможностей, в которые должны укладываться социальные реформы, имеющие шансы на успех. Это продуктивнее, чем искать "окна возможностей", подразумевая моменты, когда власть, наименее связанная ресурсными ограничениями и электоральными соображениями, якобы способна реализовывать самые смелые рекомендации экспертов.

Идентификация коридоров возможностей едва ли не исчерпывает роль собственно научного анализа в формировании политики. Установленные факты задают границы, в которых варьируемо наличное положение вещей, установленные закономерности - пределы ожиданий. Хорошо известная проблема состоит, однако, в том, что на практике грань между фиксацией актов и нормативными суждениями условна, и эта условность сказывается тем сильнее, чем более ценностно насыщен предмет изучения (см., например [Блауг, 2004, с. 190 - 222]). Статистически доказано, что даже у экономистов, то есть представителей дисциплины, претендующей на наибольшую беспристрастность среди общественных наук, характер рекомендаций наиболее тесно связан с различиями в ценностных ориентирах, а не в результатах эмпирического анализа [Fuchs, Krueger, Poterba, 1998, p. 1389]. Когда речь идет о социальной политике, эта закономерность проявляется, пожалуй, наиболее отчетливо.

Сказанное не исключает сугубо позитивных исследований социальной политики. Таковы в особенности апостериорные оценки причин неудач тех или иных мероприятий. Однако объективность подобных работ оплачивается существенным самоограничени-

Якобсон Лев Ильич - доктор экономических наук, профессор, первый проректор Государственного университета - Высшей школы экономики.

ем авторов. Идентифицируя *отдельные факторы* неудачи, устранение которых *необходимо*, они оставляют в стороне вопрос о *достаточности* предлагаемых корректировок, то есть о роли других, возможно, значимых обстоятельств. Иными словами, предлагается не "карта" коридора возможностей, а лишь объяснение ряда причин, по которым выбранная политика не попала в коридор, остающийся в целом неизвестным.

Еще важнее, хотя и менее очевидно, другое. Объективность, казалось бы, достигается отказом от рефлексии социальных целей, но разграничение целей с "экономическими" средствами, в свою очередь, теоретически уязвимо (см., например, [Davis, 1999]). В практическом же плане оно предполагает нереалистическое допущение о характере взаимодействия между аналитиками и политиками: первые якобы поставляют информацию, не допускающую многозначного толкования, а вторые автономно продуцируют однозначно интерпретируемые цели. В действительности же "люди, принимающие решения, не пытаются получить, что хотят; они скорее учатся хотеть, оценивая то, что получают. Цели и средства неразрывно связаны, и оценивая прошлые решения или давая технические советы по поводу решений будущих, мы тщетно ищем функцию общественных предпочтений там, где ее нет" [Блауг, 2004, с. 216].

Когда речь идет о социальной политике, попытки установить не просто желательные, а неким образом обоснованные цели, во-первых, составляют неотъемлемый компонент миссии исследователей, во-вторых, в той или степени присутствуют почти в любой исследовательской работе, в-третьих, явно либо неявно адресуются конкретным общественным группам и политическим силам. Все это делает зыбкой грань между исследованием и экспертизой. Цели, как и средства, а также стереотипы интерпретации тех и других, не инвариантны по отношению к конкретной институциональной среде, которая, собственно, и формирует коридоры возможностей. В то же время институты вообще и институты социальной политики в особенности не вписываются без остатка в предмет какой-либо отдельной дисциплины. Характерно, что даже дефиниции социальной политики обычно не претендуют на указание самостоятельной "субстанции", а даются через список сфер деятельности, например, помощь малообеспеченным, охрана здоровья, образование и т.п. (см., например, [Social... 2003; Blackwell... 2002]). В подобных обстоятельствах научный пуризм наталкивается еще на одно ограничение. Приходится делать выбор между (как правило, неявной) гипотетичностью допущений, с помощью которых принципиально многомерные реалии проецируются на плоскость внутридисциплинарного дискурса, и явной гипотетичностью выводов, получаемых, если такой плоскости не придерживаться.

Напоминания методологического характера (никак не претендующие на оригинальность) были бы неуместны в статье, имеющей прикладной характер, если бы аналитики, работающие с социальной проблематикой, не сталкивались ныне с потенциальным изменением своей роли. Впервые с начала 1990-х гг., если не за более продолжительное время, выработка социальной стратегии, сочетающей здоровую амбициозность с практической реализуемостью, на деле вошла в политическую повестку дня. Можно спорить, насколько несформированность институтов рыночной экономики и современного государства, с одной стороны, и нехватка ресурсов - с другой, ранее объективно ограничивали пространство социальной политики. Во всяком случае, препятствия были весьма значительны, но сегодня многие из них заметно ослабли. Характерна проявившаяся в последнее время готовность власти расходовать средства на социальные цели. Однако пока она не сопровождается ни убедительным обоснованием конкретных целей, ни, тем более, рациональным выбором средств и систематичностью действий. В таких обстоятельствах в аналитике вероятен сдвиг от выявления нужд к поиску реалистичных вариантов действий.

Пока для основного массива литературы по социальной политике типично, скорее, сочетание реализма в идентификации проблем с максимализмом рекомендаций. Показательны, например, контрастные сопоставления неблагоприятных сторон российской действительности с зарубежными, например скандинавскими, реалиями, сопровождаемые выводом о необходимости изжить контрасты. При этом одни исследователи подра-

зумевают революционное решение подобных задач, другие, скорее, указывают вектор желательных сдвигов. Тщательная же проработка ограничений встречается гораздо реже. Причем почти всегда это ограничения ресурсного, а не институционального характера. То есть едва ли не все проекты предполагают пластичность институтов, иными словами - исключительную широту коридоров возможностей¹. Впрочем, когда практика социальной политики сводилась по большей части к ситуативным реакциям либо к обеспечению предвыборных пиар-эффектов, поиск вариантов в пределах сложившегося образа действий вряд ли имел больше смысла, чем обсуждение перспектив, которые могли бы открыться в иных политических и экономических обстоятельствах.

Ныне же непосредственно актуальной стала следующая постановка вопроса: как оптимизировать социальную политику государства, которое, во-первых, намерено и вынуждено быть активным в социальной области, но не готово инициировать или допускать риск потрясений, во-вторых, достаточно свободно в распоряжении дополнительными результатами экономического роста и благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры, но не готово идти на резкое перераспределение собственности и доходов, в-третьих, функционирует в среде сложившихся, во многом несовершенных, экономических и политических институтов и не готово к их радикальному переустройству, в-четвертых, не является ни идеальной демократией, чутко отражающей настроения большинства граждан, ни автократией, способной проводить выбранный курс без оглядки на избирателей. Данная постановка вопроса - в точном смысле оппортунистическая. Несомненно, оппортунизм приемлем не для каждого (хотя бы в силу иммунитета, привитого преподавателями истории КПСС). Его альтернативы - бескомпромиссная критика и максималистские проекты - не только имеют право на существование, но и необходимы для здоровой эволюции социальной политики. Вместе с тем, вероятно, некоторые аналитики проявят не лишенный оппортунизма интерес к перспективе принципиально значимых изменений, реализуемых в существующих обстоятельствах.

В этом случае идентификация коридоров возможностей оказывается ключевой проблемой. Однако, решая ее, приходится заниматься "позитивным обоснованием целей", непосредственно совмещая построения векторов развития с анализом имеющихся возможностей. Такое совмещение, конечно, уязвимее, чем последовательная нормативность идеальных проектов или сугубо позитивные исследования, например, причин прошлых неудач. Вместе с тем, когда назрели крупные качественные изменения, реалистичное проектирование не может, с одной стороны, не отличаться от нормативного дискурса, а с другой - сводиться к проработке отчетливо обозримых приращений по ранее определенному вектору. Соответственно, не обойтись без отказа от претензий на методологическую чистоту, а в практическом плане - от явным образом вводимых гипотез, суждений по аналогии и т.п.

При этом, по-видимому, наиболее пригоден прием, характерный для "логики повседневности": кластеризация реалий или возможностей с отнесением предмета интереса к тому или иному кластеру на основе совпадения отдельных признаков, а затем - экстраполяция на данный предмет других признаков, характерных для кластера [Ионин, 2004, с. 127 - 129]. Например, человек, заинтересованный в получении высшего образования, группирует вузы и специальности с точки зрения открываемых ими карьерных возможностей и подбирает вариант, соответствующий собственным качествам и склонностям. И кластеризация, и оценка собственных качеств, и установление соответствия опираются как на изучение фактов, так и интуицию; мера их адекватности не может быть априорно определена. Более того, даже точная оценка принятых во внимание моментов не гарантирует успешность конкретной индивидуальной карьеры. Житейское проектирование не может быть строго научным, и чем более уникален и ценностно обременен его предмет, тем, при прочих равных условиях, уязвимее обоснование. Однако такое проектирование не схоже и с сугубо нормативными построениями, житейский аналог которых - скорее, мечты.

¹ О необоснованности подобных допущений см., например, [Кузьминов... 2005].

Институциональные кластеры

В свете сказанного, идентифицируя коридоры возможностей для нашей страны, уместно опереться на результаты поисков "выборочного сходства" (*elective affinities*), занявших в последнее десятилетие заметное место в сопоставительных исследованиях социальной политики [Comparing... 2001]. Имеются в виду построения институциональных кластеров, которые охватывают дополняющие друг друга или хотя бы совместимые экономические, политические, административные и иные институты, в совокупности детерминирующие относительно устойчивые типы социальной политики. Начало подобным кластеризациям положили ставшие своего рода классикой книги Г. Эспинг-Андерсена [Esping-Andersen, 1990; 1999].

Имеется немало интересных попыток скорректировать его подход². Однако в данной статье целесообразно использовать наиболее простую и известную первоначальную типологию. Во-первых, ничего более авторитетного не появилось. Во-вторых, на русском языке можно найти более обстоятельные изложения подхода Эспинг-Андерсена, чем удастся поместить в данный текст [Государственная... 2003; Социальная... 2004]. В-третьих и главных, ситуация в России недостаточно прояснилась, чтобы стали важны детали, да и сам используемый прием предназначен главным образом для общей ориентации в пространстве возможностей. Тяготение характеристик институциональной среды к некоторому типу позволяет предполагать, что наибольшие шансы на адекватную реализацию имеют те программы и конкретные решения, которые соответствуют данному типу.

Ключевое понятие для подхода Эспинг-Андерсена - *декоммодификация*, обозначающая ослабление или элиминирование зависимости индивидуального и группового благосостояния от действия рыночных сил. Выделенные им *режимы государства благосостояния* (в настоящее время чаще говорят просто о режимах благосостояния) названы традиционно: либеральный, консервативный и социал-демократический, но обозначают не партийную ориентацию политики как таковую³.

Коротко охарактеризовать режимы можно через свойственные им особенности социокультурной базы, институтов политического представительства и участия, институтов общественного (государственного) сектора экономики, посредством которых ограничивается и дополняется действие рыночных сил, а также через специфику декоммодификации. Типология режимов "выносит за скобки" различия в качестве администрирования. В таблице представлены тенденции, типичные для каждого из режимов (предлагаемая интерпретация ориентирована на интересы последующего изложения и не претендует на полноту). Политические условия, наиболее благоприятствовавшие возникновению того или иного режима благосостояния, зафиксированы в терминологии, используемой, в частности, Е. Ясиным [Ясин, 2005]. Следует отметить, что в силу инерционности режимов социокультурные и политические условия критичны скорее для их формирования, чем для последующего сохранения.

Типология режимов относится к сложившимся государствам благосостояния, но полезна для идентификации векторов развития в странах, где институты благосостояния формируются, в том числе столь противоречиво, как в России⁴. Разумеется, нельзя исключить, что наша страна не укладывается в привычную схему. Однако пока применительно к российским институтам социальной политики уместнее говорить скорее о не-

² Из новейших работ см. [Pfau-Effinger, 2005]. В этой статье предлагается понятие "порядок благосостояния" (*welfare arrangement*), более широкое, чем "режим благосостояния", по Эспинг-Андерсену.

³ Примечательно, что, по Эспинг-Андерсену, в период, когда социалистическое движение было наиболее бескомпромиссным, выдвигавшиеся им требования соответствовали будущему либеральному режиму: "Заключительные страницы "Коммунистического манифеста" призывают к реформам, которые вряд ли расходятся с последующей политикой либерализма" [Esping-Andersen 1990, p. 66].

⁴ Я оставляю в стороне во многом терминологическую дискуссию об исторических границах понятия "государство благосостояния"; здесь уместнее был бы термин "система благосостояния", но он не является общераспространенным (см. [Social... 2003, p. 18]).

Таблица

Типичные черты режимов благосостояния

Режимы	Социально-культурная база	Политические условия возникновения	Институты общественного сектора экономики	Декоммодификация
Либеральный	Элиты: справедливость как социальная ответственность, покровительство обездоленным Массы: справедливость как равенство, на практике - неприятие нужды	Элитарная демократия (Великобритания XIX в.)	Устанавливают и реализуют главным образом социальные права наиболее нуждающихся	Преодоление нужды, то есть обеспечение при минимально возможной корректировке действия рыночных сил таких условий жизни, которые укладываются в культурные образцы данного общества
Консервативный	Элиты и массы: справедливость как должная дифференциация (возможны различия в понимании должного)	Авторитарные тенденции в сочетании с представительством корпораций (Германия О. Бисмарка)	Устанавливают и реализуют легитимную, с точки зрения данного общества, дифференциацию	Корректировка порождаемой рынком стратификации в направлении "должной" иерархии статусов
Социал-демократический	Массы и (размытые) элиты: справедливость как равенство, совместимое с разнообразием	Демократия участия, опирающаяся на высокоразвитое гражданское общество (современная Скандинавия)	Устанавливают и реализуют универсальные права, в тенденции - обеспечение свободного развития	В тенденции - минимизация зависимости от рынка

завершенном и непоследовательном процессе становления, чем о сложившейся системе. В подобных обстоятельствах для оценки потенциальной направленности изменений особенно важны, с одной стороны, прецеденты, а с другой - особенности исходного пункта эволюции, то есть в данном случае советских реалий. Для институтов вообще характерно "в любой момент времени отражать адаптацию отчасти к прошлым, а не нынешним условиям" [Atrow, 2003, p. 27]. Это тем более верно, когда речь идет о сравнительно недавнем прошлом, в котором существовало целостное институциональное образование, тогда как в новой ситуации целостность пока не просматривается. Режимы благосостояния - своего рода полюса притяжения, с которыми полезно соотнести сначала советское наследие и траекторию прошедших изменений, а затем предполагаемые перспективы.

Мягкие обязательства

Институты, рассматриваемые в контексте государства благосостояния, "настроены" над рынком и обеспечивают корректировку действия рыночных сил; с ними связаны прежде всего процессы перераспределения. В плановом хозяйстве перераспределение жизненных благ почти неотделимо от первичного распределения, а это последнее - от распределения производственных ресурсов "единой фабрики". Так, формирование пенсий или стипендий находилось, по сути, в общем ряду с формированием зарплат, которое, в свою очередь, происходило в рамках более или менее тех же институтов, что формиро-

вание потоков сырья и материалов. Государство не просто признавало, корректировало и защищало социальные права; эти права были продуктом его функционирования. Если институты государства благосостояния опосредуют взаимодействие социальных групп, отстаивающих свои зачастую конфликтующие интересы, то при социализме артикуляция расходящихся интересов говорила о дисфункции институтов социальной политики.

Короче говоря, можно сравнивать условия жизни при рыночной экономике и социализме (подчас в пользу социализма), но институты, поддерживающие эти условия, имеют между собой мало общего. Попробуем тем не менее сопоставить режимы благосостояния и советские реалии. Это целесообразно, поскольку именно от них во многом производны нынешние реалии, оценки и ожидания. Наименьшее сходство обнаруживается с либеральной фокусировкой на нуждаемости. Дело не столько в том, что практика реального социализма подчас допускала нужду как широко распространенную норму, сколько в принципиальной невозможности разделить социалистическое общество на тех, кто заботился о себе сам, и тех, о ком заботилось государство. Напротив, универсальность социальных прав и последовательная декомодификация социал-демократического режима, казалось бы, свойственны социализму даже больше, чем скандинавскому типу государства благосостояния. Но реальный социализм - вместе с тем многомерная и непрозрачная дифференциация социальных прав (см., например [Радаев, Шкаратан, 1996]). Причем речь идет не просто о соседстве некоторых универсалистских элементов с элементами статусности. Суть институтов благосостояния при социализме укладывается в формулировку Дж. Оруэлла "все... равны, но некоторые равнее". Имеется в виду не отсутствие равенства, а его "сложносоставной" характер.

Например, общедоступность медицинской помощи была реальным достижением советской системы. Вместе с тем ее качество было глубоко дифференцировано, и доступ к услугам того или иного качества зависел от места жительства и работы, должности, а также родства, знакомства и способности предложить нечто дефицитное в обмен на преимущественное обслуживание. Активная роль государства в дифференциации условий жизни граждан роднит советские институты благосостояния с консервативным режимом. Однако эта дифференциация не отличалась четкостью и последовательностью, а потому скорее размывала, чем устраняла равенство. Устанавливавшие его нормы не были всего лишь пропагандистским прикрытием якобы тщательно спланированной и бесперебойно поддерживаемой стратификации, как позднее утверждала перестроечная критика. Имел место, скорее, розыгрыш шансов на реализацию провозглашенных прав.

Разумеется, шансы корреспондировали со статусами, но связь была далеко не однозначной⁵. Рабочий имел шанс попасть в первоклассную клинику; его дети могли учиться в отличной школе и т.п. Соответствующим правом наделялся широкий круг граждан, но отсутствовали, с одной стороны, гарантии равенства в реализации права, а с другой - его четко очерченные, общераспространенные и общепризнанные ограничения. В итоге такие права были хотя не бесспорными, но актуальными. Это особенно очевидно при их сопоставлении с провозглашавшимся в советское время правами политического характера. Например, норма о свободе печати четко ограничивалась и фактически отменялась вполне однозначными нормами, определявшими доступ к печатному станку.

Наблюдатель, располагающий информацией о *результатах* функционирования системы, мог фиксировать выраженную межгрупповую дифференциацию, но социальное самочувствие инсайдеров, их самоидентификация, представления о границах и относительном положении групп, а также ожидания были в указанном отношении скорее зыбкими. Между тем, когда речь идет о политике, объективное положение вещей бессмысленно рассматривать в отрыве от его восприятия. Это особенно верно, когда неполное соответствие представлений и результатов возникает не вследствие одной лишь пропаганды, а за счет специфики институтов, объективно формирующих шансы.

⁵ Казалось бы, здесь нет ничего необычного (особенно с точки зрения веберовской традиции), но речь идет о шансах на реализацию формально гарантированных прав.

Советский тип институтов благосостояния характеризуется *мягкостью* обязательств государства⁶. Имеется в виду их принципиальная вариабельность, постоянное присутствие "тонкой настройки" провозглашаемых социальных прав при посредстве множества формальных и неформальных норм и конкретных решений, принимаемых в режиме "ручного управления" нечетко очерченным кругом лиц на основе подчас сомнительных полномочий. Непрозрачная, во многом децентрализованная и отчасти произвольная "настройка" позволяла гибко адаптироваться к ресурсным возможностям, в том числе на местах, и поддерживать специфическую систему стимулирования. Мягкость обязательств возникла отнюдь не только ради сокрытия неравенства и не в силу несовершенства инструментов, обеспечивавших исполнение (*enforcement*) норм. Однозначность интерпретаций и строгость исполнения формальных норм верхнего уровня привели бы к дисфункциям системы распределения.

Например, сравнительно несложно было бы предельно конкретизировать и жестко контролировать нормы распределения жилья или очередности госпитализаций. Нет сомнения, что, по крайней мере, в первые полвека существования советской системы мало кто из низовых руководителей осмелился бы такие нормы нарушать. Однако относительно произвольное распоряжение доступом к дефицитным благам было неотъемлемым атрибутом роли партийного, советского и хозяйственного руководителя. Оно во многом определяло не только его собственный социальный статус, но и набор инструментов, с помощью которых решались возложенные на него задачи. Границы распоряжения, в свою очередь, также были размытыми и с течением времени расширялись. Возникавшее в результате мощное воздействие партикулярных интересов на использование ресурсов, предназначенных для достижения социальных целей, было очевидным и регулярно критиковалось ("ведомственность", "местничество", "блат"), выборочно наказывалось, но не подлежало устранению.

Технически мягкость достигалась прежде всего за счет распространенности *натуральных* гарантий. Так, общедоступность медицинской помощи или школьного образования была реальной в терминах обеспеченности больничными койками и местами в классах. При этом другие характеристики, например удельное финансирование или обеспеченность высококвалифицированными кадрами и оборудованием, не говоря уже о результативности, могли варьироваться в гораздо более широких пределах⁷. Чем выше размерность реального наполнения социального права, тем легче, выбрав одно из измерений в качестве представительной характеристики (так назывались плановые показатели социальной сферы), варьировать остальные применительно к ресурсным возможностям и усмотрению должностных лиц.

Мой опыт изучения социально-культурной сферы в советское время, включая разнообразный опыт выполнения аналитических работ для государственных органов, позволяет свидетельствовать о следующей закономерности. Чем менее публичным, то есть представленным в открытой статистике и особенно в программах международных сопоставлений был показатель, тем, как правило, сильнее СССР отставал от стран Запада по его среднему уровню и тем большей была его дифференциация внутри страны. В то же время тем меньшей была реальная ответственность государственных органов за обеспечение приемлемых значений данной характеристики. Это позволяло улучшать значения представительных характеристик даже в условиях ухудшения реальной ситуации, причем адаптация достигалась за счет заведомого усиления диспропорций между различными компонентами ресурсной базы и снижения эффективности. Понимаемой таким образом адаптивности особенно благоприятствовал не просто натуральный характер гарантий, а придание статуса представительных характеристик показателям, ко-

⁶ Термин выбран по аналогии с мягкими бюджетными ограничениями. Об их родстве с мягкими социальными обязательствами см. ниже.

⁷ Так, по имеющимся оценкам, элитарная медицина в 1980-е гг. поглощала до трети бюджетного финансирования лечебно-профилактических учреждений (см. [Обзор... 1999, с. 281]).

торые, фиксируя масштабы сетей обслуживания, как можно меньше отражали его качество и результативность.

Обрисованное институциональное образование, разумеется, не вписывается в типологию режимов благосостояния, представленную в таблице. Однако, подобно им, оно отражает, в том числе, зависимость институтов, непосредственно детерминирующих движение ресурсов и распределение благ, от институтов организации власти. Дело в том, что мягкость политики, то есть способность государства и его представителей избегать однозначности и ответственности во взаимоотношениях с гражданами и хозяйствующими субъектами, - прямое следствие и выражение монополии на власть и собственность. Применительно к мягким бюджетным ограничениям раскрытие данного обстоятельства и, соответственно, перенесение анализа из собственно ресурсной в институциональную плоскость позволило показать, что связанная с этим явлением неэффективность определяется недоговороспособностью социалистического государства [Dewatripount, Maskin, 1995; Komai, Maskin, Roland, 2003].

Субъект, обладающий ролью как распорядителя ресурсов, так и конечного арбитра во взаимоотношениях с другими участниками хозяйственной жизни по поводу этих ресурсов, не способен нести внушающие доверия обязательства. Неизбежное недоверие к такому субъекту совместимо с его эффективным функционированием, только если партнеры добровольно отдают его интересам приоритет перед собственными либо если он оперирует полной информацией об их намерениях и действиях. В иных случаях способность одного из участников по ходу пересматривать свои и чужие обязательства в сильнейшей степени провоцирует оппортунистическое поведение других участников, а если масштабы хозяйствования достаточно велики, такому поведению удастся противопоставить только сугубо выборочные санкции. В итоге обладатель неограниченных прав, исключающих ответственное партнерство, становится объектом эксплуатации.

Известны два способа частичного решения проблемы: либо террор и презумпция вредительства, побуждающие перевыполнять формальные требования, настойчиво доказывая сверхлояльность (советская практика тридцатых-сороковых годов), либо глубокая децентрализация и конкуренция низовых звеньев госаппарата не просто за расположение начальства, а за реальные экономические успехи. В частности, одной из ключевых предпосылок успеха китайской экономики стала тесная увязка ресурсной базы территориальных властей с экономическим положением предприятий на соответствующих территориях. Чем глубже обособление территориальных органов (или иных структур государства с четко очерченной ограниченной компетенцией) от центральной власти как верховного арбитра и конечного распорядителя ресурсов, иными словами, чем жестче лимитирован доступ "части" государства к экономическим и властным возможностям целого, тем меньше препятствий для ответственного партнерства этой "части" с другими субъектами. Кроме того, обособление благоприятствует конкуренции как между "частями" государства (например, между властями различных территорий за привлечение инвестиций низким налоговым бременем, рациональным некоррупцированным администрированием и т.п.), так и между государственными и частными структурами (в качестве поставщиков взаимозаменяемых услуг) [Quen, Roland, 1998; Jin, Qian, Weingarst, 2005].

Очевидна общая природа мягких бюджетных ограничений и мягких социальных обязательств государства. Не менее очевидна их неорганичность условиям рыночной экономики и демократического государства, отнюдь не исключая, однако, существенных проявлений институциональной инерции. К вхождению в рыночную экономику Россия подошла, не имея укорененных ростков известных режимов благосостояния, но зато располагая институтами непрозрачной адаптации социальных гарантий к вариациям социально-экономической среды и усмотрению представителей государства. Это определило, с одной стороны, иллюзорную широту выбора в сфере социальной политики, с другой - предпосылки ее замещения эскалацией профанируемых обязательств.

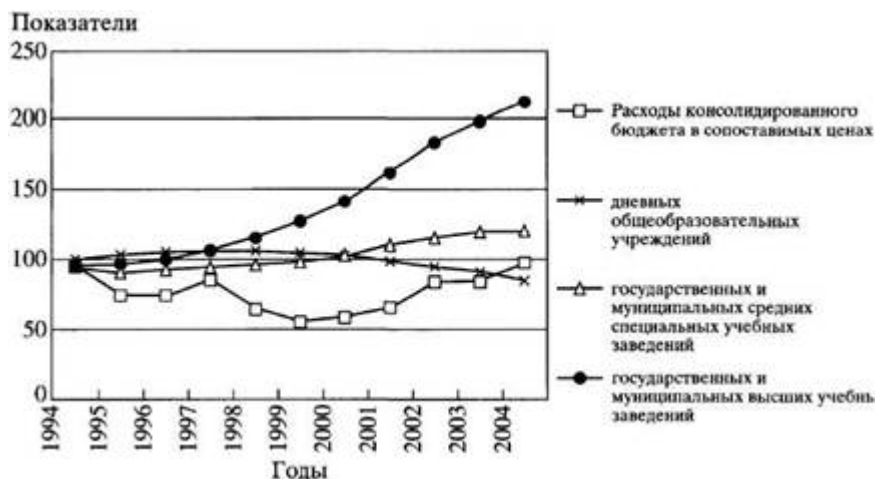

Рис. 1. Показатели развития образования в Российской Федерации в % к уровню 1993 г.

Исчерпание адаптационных возможностей

Вопрос об эволюции институциональных рамок социальной политики в постсоветской России тесно связан с судьбой мягких обязательств. В 1990-е гг. их адаптационные возможности эксплуатировались в беспрецедентной степени. Именно это позволило совместить радикальное сокращение финансирования социальной сферы с внешне вполне приемлемой динамикой натуральных показателей, которые традиционно служили представительными характеристиками соответствующих отраслей (см. рис. 1 и 2)⁸. Совмещение достигалось за счет неблагоприятных структурных сдвигов, скрытой, подчас нелегальной, коммерциализации и главным образом за счет снижения качества услуг вплоть до появления заведомых эрзацев.

Например, быстрое увеличение приема в вузы достигалось, в том числе, за счет повышения доли как официальных, так и теневых частных платежей в их финансировании, роста удельного веса заочного обучения и экстерната и расширения подготовки без адекватного кадрового, методического и материально-технического обеспечения. При этом доступ к сохранявшемуся (и, в силу кадровых ограничений, не способному быстро расти) сегменту высококачественного образования во все большей степени становился привилегией семей, обладающих либо связями, либо деньгами [Доступность... 2004]. Происходило своего рода сжатие того пространства розыгрыша шансов, о котором говорилось выше. Безудержная эксплуатация мягкости вела не только к своего рода гиперинфляции социальных обязательств в целом, но и к дальнейшему резкому усилению фактического неравенства в реализации социальных гарантий.

Своего рода мягкость распространилась на денежные выплаты. Применительно к ним, в отличие от натуральных льгот, варьированию поддаются только сроки реализации гарантии. Это и произошло, когда стала быстро увеличиваться задолженность государства по зарплатам, пенсиям, пособиям и т.п. Однако, в отличие, например, от использования недостаточно квалифицированных преподавателей или варьирования состава применяемых лекарств, задержки выплат нарушали однозначно фиксированные права, так что привычный механизм адаптации не срабатывал. То же относится к ряду появив-

⁸ Данные Росстата. Пересчет в сопоставимые цены на основе дефлятора элементов использования ВВП. Расходы на здравоохранение даны с учетом физической культуры.

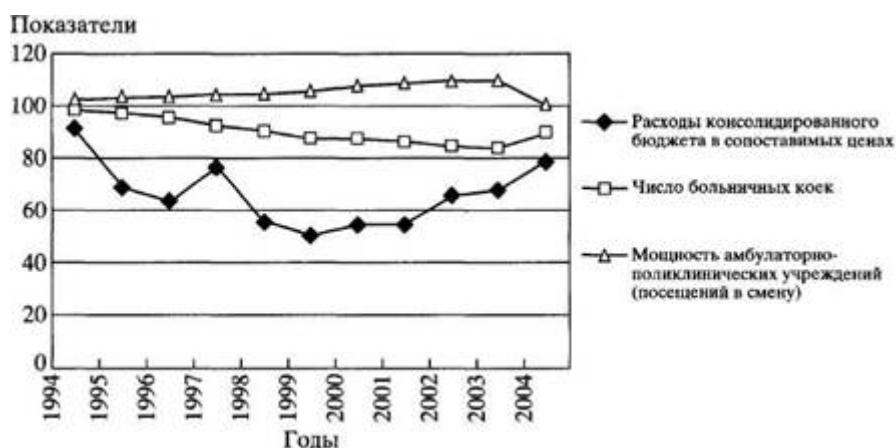

Рис. 2. Показатели развития здравоохранения в Российской Федерации в % к уровню 1993 г.

шихся в 1990-е гг. обязательств, имевших натуральную форму, но не обеспеченных ресурсами и механизмами хотя бы для номинального исполнения.

Например, согласно Федеральному закону "О статусе военнослужащих", каждый, отслуживший в армии, имеет право на внеконкурсное зачисление в любой вуз при получении положительных (удовлетворительных) оценок на вступительных экзаменах и при наличии рекомендации командира части, причем командиры никак не ограничены в даче рекомендаций. Это обязательство государства не отменялось и не приостанавливалось, но, как и многие другие, практически никогда не выполнялось. В таких случаях налицо скорее не мягкая (то есть реальная, хотя и широко варьируемая по фактическому содержанию), а *декларируемая* норма. Такие нормы позитивно не работают, но *занимают* вполне реальные *ниши* в институциональной среде, блокируя потенциальные улучшения. Как в правовом плане, так и с точки зрения общественного восприятия, они подрывают легитимность не только сложившейся ситуации, но и любых компромиссных решений. Один из примеров - проблема мнимого ухудшения положения граждан, которая недавно возникла при разработке для бывших военнослужащих льгот по приему в вузы, подкрепленных механизмами предоставления и нормами финансирования: работающая льгота, в отличие от декларируемой, не может быть ничем не ограниченной.

Наиболее существенной сферой мягких обязательств в 1990-е гг. стали межбюджетные отношения. Автономия территорий породила, с одной стороны, дополнительные возможности модификации обязательств за счет их нечеткого распределения между властями разных уровней и принудительного делегирования (так называемых нефинансируемых мандатов), а с другой - новое применение мягких норм, а именно *варьирование межбюджетных потоков как средство давления* на территориальные власти. Причем, как это вообще характерно для мягкости, варьирование происходило во многом произвольно. В результате механизм, спроектированный, чтобы обслуживать, пусть и причудливым образом, политические цели федерального центра ("берите автономию", но оставайтесь на "бюджетном крючке"), не был защищен от влияния всевозможных партикулярных интересов.

Усиление мягкости социальных обязательств стало следствием и вместе с тем ресурсом борьбы законодательной и исполнительной власти, а также Центра и территорий. С учетом унаследованных институтов, отказ от данного ресурса предполагал усилия и политические риски, тогда как обращение к нему было привычным, обеспечивало тактический выигрыш и, возможно, помогло избежать еще более разрушительных форм противостояния. Однако эксплуатация мягкости не оставляла места для какой бы то ни

было последовательной и результативной социальной политики, не говоря уже о формировании стабильных институтов благосостояния.

К рубежу 1990 - 2000-х гг. адаптационный потенциал мягкости был в основном исчерпан. С одной стороны, сверхэксплуатация унаследованных механизмов адаптации привела к их вырождению: свертыванию "розыгрыша шансов", невыплатам, декларируемым нормам и т.п. С другой стороны, сама природа этих механизмов перестала быть адекватной общественной среде. Социальные и экономические права более не воспринимаются как произвольный и варьируемый дар государства. Произошедшая в последние годы консолидация власти не позволяет объяснять нечеткость и ненадежность ее обязательств несогласованностью автономных действий ее ветвей либо территориальных уровней. Возобновившийся экономический рост стимулирует запрос на действенную социальную политику.

Было бы неверно утверждать, что улучшения в социальной сфере не происходят. По данным Росстата, за 1999 - 2004 гг. реальные располагаемые денежные доходы повысились на 68%, реальная начисленная заработная плата - на 107%, реальный размер назначенных пенсий - на 100% при увеличении ВВП лишь на 39%. Как видно на рисунках 1 и 2, в этот же период снижение реальной величины бюджетных расходов на образование и здравоохранение сменилось их увеличением, соответственно, на 76% и 56%. Однако многими это не воспринимается как серьезный ответ на запрос, причем не только потому, что эффекты весьма неравномерно распределены по социальным группам и территориям. Недостает внутренне непротиворечивой, предсказуемой, не сводимой к разовым "раздачами подарков" позиции государства по социальным вопросам.

Доступные альтернативы

Констатация неудовлетворенной потребности в целостной стратегии давно стала общим местом в дискуссиях о социальной политике. Вопрос, однако, в том, какой курс способна породить и поддерживать конкретная социально-политическая среда, складывающаяся в современной России. Этот вопрос, если и ставится, то, как правило, в плане критики данной среды и призывов к ее коренному изменению (см., например [Глазьев, 2003]). Между тем среда, независимо от отношения к ней, несомненно обретает устойчивость. В обсуждаемых отечественными специалистами моделях социальной политики акцент делается чаще на должное, чем достижимое, причем, пожалуй, в большинстве оценок и рекомендаций просматривается предпочтение социал-демократического режима благосостояния [Социальная... 2003]. Существенно меньше представлены концепции, тяготеющие к либеральному режиму; к тому же они, как правило, имеют компромиссный характер [Гонтмахер, 2000]. Правда, программа удвоения ВВП в сочетании с сокращением масштабов бедности является отчетливо либеральной, если понимать ее буквально: устанавливается некое - пусть относительно высокое - пороговое значение условий жизни, задаются ограничения на удельный вес граждан, не достигающих этого порога, а в остальном приоритетное значение придается темпам роста. Однако сама очевидность дистанции между реальными намерениями и подобной буквалистской трактовкой (отнюдь не бессмысленной с позиций либерального режима благосостояния), свидетельствует о заведомой неготовности воплотить данный режим.

Способны ли социально-политические реалии современной России породить нечто близкое социал-демократическому режиму благосостояния? Он предполагает политическое доминирование широкой и стабильной коалиции, которая бы опиралась на организованные массы, отдающие приоритет общей солидарности перед классовыми, местными и т.п. интересами [Esping-Andersen, 1990, p. 68]. Не говоря уже о политических перспективах подобной коалиции, в сегодняшней ситуации нет социокультурных предпосылок для ее возникновения. Необходимые (далеко не достаточные) условия этого составляют отчетливая общенациональная идентичность, толерантность и высокий уровень доверия, тогда как исследователи, расходясь в интерпретации причин, прогнозах и рецептах, единодушно констатируют кризис идентичности, межгрупповые на-

пряжения, дезорганизацию российского общества и т.п. (см., например, [Гудков, 2004; Россия... 2005; Рывкина, 2004; Толерантность, 2004]).

Пока "наше общество... не смогло сформировать нацию" [Вызов, 2003, с. 83], вряд ли имеет смысл примеривать к нему наиболее мощные механизмы реализации универсальной солидарности, обозначением которых выступает социал-демократический режим. Ведь он предполагает готовность не столько к совместному (предположительно неравному) участию в "экспроприации экспроприаторов", сколько к реальному и быстрому выравниванию положения и жизненных шансов, например, московских интеллигентов и дагестанских крестьян. Трудно согласиться с авторами, по мнению которых данные о фактическом расслоении, в частности о нуждах сельского населения, способны и даже должны поставить под сомнение озабоченность положением городских врачей и учителей [Гурова, Тарусин, 2005]. В действительности нет свидетельств того, что сегодня для нашего общества столь бесспорен принцип "первый дополнительный рубль - самому бедному независимо от происхождения, места жительства, рода занятий и т.п."

В обозримой перспективе вряд ли есть шансы и на приближение к либеральному режиму. Он предполагает наличие сильной, дистанцированной от государства и при этом социально ответственной элиты. Вероятно, тенденция к появлению такой элиты присутствовала в реалиях рубежа 1990 - 2000-х гг., но, во-первых, она не преобладала, а во-вторых, в последние годы элитарные группы, относительно автономные от государства (хотя во многом им "назначенные"), потеснены группами, непосредственно представляющими власть [Крыштановская, 2005; Shevtsova, 2005].

Для государствоцентричных обществ характерен консервативный режим, хотя бы потому что они структурируются принципиально иерархично, причем решающее значение имеет иерархия власти, а не богатства. В современной России эта тенденция, по-видимому, поддерживается социокультурным фоном (см., например, [Вызов, 2003; Гудков, 2004]). Она ассоциируется с установками государственных сил в трактовке Т. Заславской, по оценке которой, потенциал этих сил превосходит потенциал носителей социалистических и либеральных установок [Заславская, 2004]. С точки зрения Эспинг-Андерсена, о наличии консервативного режима нагляднее всего свидетельствуют преимущества государственных служащих в системе социальных гарантий, в частности в пенсионном обеспечении [Esping-Andersen, 1990, р. 69 - 77]. В данном отношении Россия также тяготеет к консервативной модели. Ситуация вряд ли изменится, пока ключевую роль в экономической жизни играет *распределение* доходов от использования *природных ресурсов*, в конечном счете неизбежно связанное с распределением власти.

Поиски доступного коридора возможностей в направлении консервативного режима предполагают два тезиса, каждый из которых априорно не доказуем, но выглядит, с учетом доступных данных, более убедительно, чем его альтернатива. Во-первых, допускается, что описанные режимы благосостояния относительно полно отражают устойчивые типы внутренне непротиворечивой социальной политики в условиях сложившейся рыночной экономики. Разумеется, о типах можно говорить лишь применительно к преобладающим тенденциям, в рамках которых неизбежны вариации. Во-вторых, признается, что относительная слабость самоорганизации как широких масс, так и прямо не связанной с государством элиты не исчезнет в ближайшее время.

Если высказанные соображения справедливы, то в обозримой перспективе, во-первых, практически реализуемая социальная политика будет иметь мало общего с прямолинейным выравниванием, и во-вторых, обречена на противоречивое общественное восприятие. Протесты станут вызывать как отсутствие изменений, так и серьезные сдвиги, которые, улучшая положение одних групп, даже не ухудшают, но оставляют неизменными положение других. Более того, наследие мягкости делает амбивалентными меры, вносящие определенность гарантий. С одной стороны, они настоятельно востребуются. С другой стороны, сверхэксплуатация мягкости привела к тому, что внесение определенности почти всегда предполагает упразднение каких-либо ранее выданных обязательств государства, в частности декларированных норм. Для граждан это означает отказ от ранее легитимизированных ожиданий.

Когда граждане располагают рычагами реального влияния на власть, такой отказ не может быть бесплатным. Он достижим лишь при выплата властью адекватного *выкупа*: либо экономических компенсаций права как такового (даже если его реализация была сомнительной), либо принятия крупных репутационных издержек, то есть снижения популярности, увеличения риска поражения на выборах и т.п. Пренебрежение потребностью в выкупе, в том числе не вполне реализовавшихся прав, было главной и наиболее дорогостоящей ошибкой при подготовке монетизации льгот [Якобсон, 2005].

Если черты консервативного режима, вероятно, определяют *направленность* наличного коридора возможностей, то характеристики *посильных* выкупов задают его конкретную *конфигурацию*. Ее оценка составляет весьма нетривиальную задачу. Однако решение этой задачи (разумеется, всегда несовершенное, не достижимое без сильных допущений и экспертных суждений, но в максимально достижимой степени основанное на доступных фактических данных) - неотъемлемый компонент обоснования реалистичной социальной политики. Коридор возможностей тем шире, чем значительнее финансовые и репутационные ресурсы, находящиеся в распоряжении власти. В современной ситуации они довольно велики, что позволяет осуществлять поступательное движение при определенном разнообразии вариантов вплоть до некоторых заимствований из либеральной либо социал-демократической модели.

Обратимся к примеру. Государственное финансирование высшего образования ныне явно не адекватно его масштабам. Для обеспечения конкурентоспособности российской высшей школы в среднесрочной перспективе необходимо, как минимум, утроить расходы в расчете на одного студента (оценка Я. Кузьминова) [Вестник... 2004, с. 7]. Пока же далеко не все выпускники получают полноценную подготовку, дифференциация качества во многом непрозрачна и неуправляема, преимущественным доступом к бесплатному высококачественному образованию пользуются обеспеченные слои населения, а система в целом чрезмерно зависима от частного платежеспособного спроса, предъявляемого, в том числе, в теневых формах. В обозримой перспективе вряд ли достижимо кардинальное изменение ситуации в последовательно либеральном варианте (концентрация государственных средств на поддержке наименее обеспеченных одновременно с налоговым и иным стимулированием частного спроса остальных слоев и регулированием рынка), равно как в социал-демократическом варианте (быстрое вытеснение платности и нивелирование преимуществ, связанных с социальным происхождением абитуриентов и студентов).

Жизненные условия, особенности представительства интересов и социально-психологические установки, с одной стороны, предопределяют сохранение для выходцев из семей с высокими и средними доходами права на бесплатное высшее образование, с другой - не благоприятствуют кардинальному выравниванию шансов на доступ к лучшим программам. Однако в пределах существующего коридора можно и нужно, во-первых, значительно увеличить бюджетное финансирование образования, во-вторых, заметно снизить влияние факторов места жительства и платежеспособности на доступность высококачественного обучения, в-третьих, рационально регулировать рынок платных образовательных услуг, сократить его теневой сегмент, развивать образовательное кредитование не в ущерб бесплатному приему.

Консервативный подход может реализовываться в большей или меньшей степени, и его "чистота" регулируема в довольно широких пределах. Например, в принципе ему соответствовало бы последовательное обособление подготовки государственных служащих, включая гражданских, от общей системы образования. Однако оно не предопределено; более того, не исключается сокращение сети военных учебных заведений и перенесение подготовки немалой части военнослужащих, сотрудников милиции и т.п. в обычные вузы. Речь идет об актуальном политическом выборе: различие позиций по данному вопросу отчетливо проявлялось при разработке Концепции и Программы реформирования государственной службы. Это один из примеров того, что признание некоторой общей направленности изменений наиболее вероятной не равнозначно ее полному одобрению или поиску узкой колеи, которой якобы предстоит следовать.

Вместе с тем основные политические альтернативы связаны не столько с разными вариантами прохождения многочисленных развилок, находящихся в коридоре возможностей, сколько с дилеммой: поступательное движение в данном коридоре либо уклонение от него. Последнее почти неизбежно предполагает двойкий выбор: в идеологическом пространстве - сверхамбициозной стратегии, лежащей вне коридора возможностей, в пространстве практических действий - дальнейшей эксплуатации мягких государственных обязательств. Иными словами, альтернативой поступательному движению в рамках существующих ограничений выступает консервация ключевой особенности советской и постсоветской социальной политики, а именно - институционализированного разрыва между провозглашаемыми и реализуемыми социальными правами. Поскольку адаптационные возможности мягкости почти исчерпаны, новые обращения к ним предполагают не столько розыгрыш шансов, сколько очевидную профанацию.

Одним из примеров может служить программное требование КППФ гарантировать всем молодым гражданам право на бесплатное среднее и высшее образование, а также трудоустройство после получения профессии. Реализация этого требования, внешне тяготеющего к социал-демократическому типу образовательной политики, в обозримой перспективе привела бы к дальнейшему углублению разрыва между элитными (как по качеству, так и по преобладающему составу учащихся) и массовыми программами, к расширению теневых отношений в образовательной и трудовой сферах. В самом деле, при потребности в не менее чем трехкратном повышении удельного финансирования существующих бесплатных мест предлагается в три-четыре раза увеличить число таких мест. Вторая цель, в отличие от первой, легко достижима за счет финансово и кадрово не обеспеченных программ. Что же касается гарантий занятости, то речь идет о дополнении налогообложения предприятий специфической натуральной повинностью с появлением крупной коррупционной ниши при распределении такой повинности и новой теневой ниши трудовых отношений. Роль последней - обеспечить дифференциацию взаимоотношений работодателей с реально необходимыми им работниками, с одной стороны, и принятыми в порядке повинности - с другой. При этом образовательные и трудовые права не имеющей денег и связей молодежи ущемлялись бы больше, чем ныне.

Между тем противодействие фактически наметившейся сегрегации в сфере образования тем актуальнее, чем отчетливее проявляется социальная дифференциация в целом. Блокирование социальной мобильности не только не вытекает из природы консервативного (как и либерального) режима благосостояния, но и не совместимо с их жизнеспособностью. Целенаправленное формирование социальных лифтов, прежде всего в сфере образования, - регулярная и необходимая практика стран с такими режимами (тогда как при социал-демократическом режиме социальные лифты - не столько относительно обособленные части институционального устройства, сколько его несущие конструкции). Межгрупповая дифференциация значима, но способности и трудолюбие позволяют изменять групповую принадлежность.

Для России актуальна задача элементарного открытия ниш для проявления способностей и вытеснение предельно разрушительных форм влияния денег на образование. Так, по данным Левада-Центра, население считает наиболее острыми проблемами высшего образования возможность получить диплом за деньги, не имея необходимых знаний (44%), взятки при поступлении (43%) и взятки в процессе обучения (39%); при этом оказавшуюся следующей по рангу проблему подготовки невостребуемых специалистов отметили 27% респондентов, низкую зарплату преподавателей - 20% и т.д. (опрос сентября 2002 г. - www.levada.ru).

Это один из многих признаков того, что в социальной области актуально не столько обретение идеала, сколько изживание заведомых уродств и выработка способности к системным и результативным действиям. Долгий опыт опоры на мягкие обязательства, иначе говоря, институционализированного лицемерия, крайне усложнил решение данных задач, приучив вместе с тем к легкости в безответственном нормотворчестве. Сформированное умение имитировать движение за пределами коридора возможностей, получая определенные адаптационные преимущества, делает особенно вероятным и па-

глубным недостаток реализма в выборе ориентиров. Разумеется, границы должного и посильного не могут совпадать, но сегодня складываются предпосылки трезвого осмысления тех и других ради формирования осмысленной социальной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М., 2004.
- Бызов Л. Г.* Социокультурная трансформация российского общества и перспективы формирования неоконсервативной субъектности // Базовые ценности россиян. М., 2003.
- Вестник Российского общественного совета по развитию образования. Вып. 10. М., 2004.
- Глазьев С. Ю.* Почему мы самые богатые, а живем так бедно? М., 2003.
- Гонтмахер Е. Ш.* Социальная политика: уроки 90-х. М., 2000.
- Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств. М., 2003.
- Гудков Л.* Негативная идентичность. М., 2004.
- Гурова Т., Тарусин М.* Реальная Россия // Эксперт. 2005. N 19.
- Доступность высшего образования в России. М., 2004.
- Заславская Т. Н.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М., 2004.
- Ионин Л. Г.* Социология культуры. М., 2004.
- Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М., 2005.
- Кузьминов Я. И., Радаев В. В., Яковлев А. А., Ясин Е. Г.* Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности институциональных изменений. М., 2005.
- Обзор экономической политики России за 1998 год. М., 1999.
- Радаев В. В., Шкарашан О. И.* Социальная стратификация. М., 1996.
- Россия в поисках идентичности. М., 2005.
- Рывкина Р. В.* Социология российских реформ. М., 2004.
- Социальная политика. М., 2003.
- Социальная политика и социальные реформы в России (2000 - 2003 годы). М., 2004.
- Толерантность. М., 2004.
- Якобсон Л. И.* Цена иллюзий // Стратегия России. 2005. N 4.
- Ясин Е. Г.* Приживется ли демократия в России? М., 2005.
- Arrow K. J.* The Place of Institutions in the Economy: a Theoretical Perspective // Readings in Political Economy. Maiden (Mass.), 2003.
- The Blackwell Dictionary of Social Policy. Maiden (Mass.), 2002.
- Comparing Welfare Capitalism: Social Policy and Political Economy in Europe, Japan and the USA. London-New York, 2001.
- Davis J. B.* Normative and Positive Economics // Enciclopedia of Political Economy. Vol. 2. London-New York, 1999.
- Dewatripount M., Maskin E.* Credit and Efficiency in Centralized and Decentralized Economies // Review of Economic Studies. 1995. Vol. 62. N 4.
- Esping-Andersen G.* Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton, 1990.
- Esping-Andersen G.* Social Foundations of Postindustrial Economies. Oxford, 1999.
- Fuchs V. R., Krueger A. B., Poterba J. M.* Economist' Vies about Parameters, Values, and Policies: Survey Results in Labor and Public Economics // Journal of Economic Literature. 1998. Vol. XXXVI. N3.
- Jin H., Qian Y., Weingarst B. R.* Regional Decentralization and Fiscal Incentives: Federalism, Chinese Style // Journal of Public Economics. 2005. Vol. 89.
- Kornai J., Maskin E., Roland G.* Understanding the Soft Budget Constraint // Journal of Economic Literature. 2003. Vol. XLI. N 3.
- Pfau-Effinger B.* Culture and Welfare State Policies: Reflections on a Complex Interrelation // Journal of Social Policy. 2005. Vol. 34. N 1.
- Quen Y., Roland G.* Federalism and the Soft Budget Constraint // American Economic Review. 1998. Vol. 88. N 5.
- Shevtsova L.* Putin's Russia. Washington, 2005.
- Social Policy. Oxford, 2003.